

> МАТИС ТРАЛЪ >

АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ

Жар-Цвет

Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А63

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Амфитеатров, Александр Валентинович.
А63 Жар-Цвет / Александр Амфитеатров. — Москва :
Эксмо, 2025. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).
ISBN 978-5-04-222763-9

Первобытные верования, мир сновидений, психические расстройства и магия — эти темы вдохновили Александра Амфитеатрова (1862—1938) на создание оккультного романа «Жар-Цвет».

Произведение представляет собой сборник повестей, объединенных фигурой графа Гичовского — авантюриста и мистика. Здесь оживает легенда о цветке папоротника, дарующем бессмертие и богатство, а также история о мертвой любовнице-самоубийце, которая преследует московского банкира даже после смерти.

Увлекательный сюжет переплетается с атмосферой восточно-европейских легенд, алхимии, масонских тайн и спиритизма.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дорогому товарищу
ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ
НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

посвящаю этот роман в ознаменование
нашей никогда не омраченной дружбы.

Александр Амфитеатров

Cavi di Lavagna
1910.III.27

Wo, des Himmels, Meister Ludwig,
Habt ihr tolle Zeug
Aufgegabelt?

H. Heine. Atta Troll¹

Aus dem Grabe werd'ich aus gerieten,
Noch zu suchen das vermisste Gut,
Noch den schon verlornen Mann zu lieben
Und zu saugen seines Herzens Blut
Ist's um den geschehn,
Muss nach Andern gehn,
Und das junge Volk erliegt der Wut.

Goethe. Das Draut von Korinth²

¹ Где, маэстро Людовико,
Вы набрали эти сказки.

Г. Гейне. Атта Троль (пер. В. Левина).

² Но меня из тесноты могильной
Некий рок живущим шлет назад.
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят.
Молодую страсть
Никакая власть
Ни земли, ни гроб не охладят!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
И его я высосала кровь!
И покончу с ним,
Я пойду к другим, —
Я должна идти за жизнью вновь.

Гете. Коринфская невеста (пер. А. Толстого).

От автора

Фантастический роман, подписанный моим именем, должен удивить многих моих читателей, привыкших видеть во мне постоянного и убежденного позитивиста, зачеркнувшего для себя все системы дуалистического мировоззрения, как бы они ни определялись. Поэтому расскажу историю этого романа. Она не совсем обыкновенна. В начале девяностых годов я усердно занимался фольклором и историей религий. Изучение славяно-германской мифологии увлекло меня. У меня родилась мысль написать исторический роман, — в том роде, как впоследствии стал писать о сибирских иногородцах талантливый г. Тан, — с действием, проходящим на фоне первобытной славянской культуры. Центром романа должны были явиться легенды о «цветке жизни», сверкающей тайне молниеносного папоротника, почему и называться роман должен был «Жар-Цвет». Под этим названием я обещал его журналу «Север», который включил его в свое подписное объявление на 1895 год. Обещать-то я обещал, а писать-то не писал. Было некогда, и начало романа все откладывалось со дня на день. Журнал между тем перешел в другие руки, и, с приближением к концу года, молодая новая издательница стала меня поторапливать. А я все ленился и тянул. К рождественскому № «Севера» она попросила меня дать святочный рассказ. В угрызениях совести за промедление с романом я написал рассказ большой и пространный.

Назывался он «Пузыри земли». Каково же было мое изумление и авторский ужас, когда, раскрыв затем очередной номер «Севера», я нашел в нем «Пузырей земли» как скромный подзаголовок, а над ним красовался жирный заголовок: «Жар-Цвет». Фантастический роман. Глава первая». Случай или невинное лукавство издательницы сыграли со мной шутку эту, но меня она поставила истинно уж в фантастическое положение: тема «Пузырей земли» отстояла от темы предполагаемого «Жар-Цвета» на тысячу лет и верст, и как их сблизить и укоротить внезапно возникшую предо мною дистанцию огромного размера — стояло предо мною весьма насмешливою задачею. О первобытном славянстве, конечно, больше нечего было и думать, но необходимо было оправдать заглавие «Жар-Цвет», с которым, кроме того, я, откровенно сказать, неохотно расстался бы, потому что красота яркого сочетания, говорящего так коротко и много о тепле и свете, мне очень нравилась и теперь нравится. Тогда я решил оставить центром романа миф о «цветке жизни», но перенести его в современную обстановку и, вращая действие вокруг его иллюзий, развить кое-какие полемические взгляды относительно медиумических явлений, насчет которых я измлада был и остаюсь скептиком, коснуться некоторых вопросов атомистического мировоззрения, сильно меня интересовавшего, а попутно рассказать несколько красивых легенд, накопленных мною в занятиях фольклором или сочиненных под их впечатлением, осветить кое-какие темные и полузабытые верования, пережитки доисторических эпох, и дать широкую картину нервного и психического недуга, возникшего на их мистической почве. Мало-помалу работа и чтение к ней увлекли меня, и в результате вырос вот этот роман. В исполнении его намеченная программа в некоторых частях своих сократилась, в дру-

гих же, наоборот, выросла и расширилась против моего ожидания и даже хотения, но, в общем, она прошла по предположенной руководящей нити.

Мне пришлось, в свое время, прочитать, в пособие к «Жар-Цвету», довольно много книг. Быть может, лучшим способом предупредить читателя о характере моего романа будет указать список сочинений, которыми я пользовался, и метод, как и для чего я ими пользовался. В последнем отношении надо разделить их на две категории: 1) пособия для части логически-изъяснительной; 2) источники для части легендарной и казуистической.

В первой категории наиболее важную опору и помощь давали мне сочинения: *Тэйлор*. Первобытная культура. *Мори*. Сон и сновидения. *Тэн*. Об уме и познании. *Винслов*. Болезни мозга. *Тиссо*. Нервные болезни. *Крафт Эбинг*. Судебная психопатология. *Бутлеров*. Статьи по медиумизму. *Михайловский*. Патологическая магия. *Mauri*. Le Magie et l'astrologie dans l'antiquite el au mogen age. *Morin*. Du Magnetisme et des sciences occultes. *Louis Figuier*. L'Alchimie et les Alchimistes. *Schopenhaur*. Versuch ueber das Geistersehn und was damit zusammenhaengt. *Derselbe*. Animalischer Magnetismus und Magie. *Galmiel*. De laFolie, conside ree sous lepoint de vue patalogiquie, philosophique ete 2 Lomes. P. 1845. И мн. др.

Характер вышеперечисленных сочинений определяет собою точку зрения, с которой я гляжу на феномены, так или иначе отраженные и упоминаемые в романе. Что касается последних, вот краткий список мистических и спиритуалистических трудов, откуда я черпал легендарный материал: *Eliphas Levi*. Histoire de la Magie. *Роберт дель Оуэн*. Спорная область между двумя мира-

ми. *De Mirville*. Pneumatologie. Des Esprits et de leurs Manifestations diverses. *Christian*. Histoire de la Magie. *Petrus Thyraeus Novesiensis*. Loca infesta. Lugduni. 1599. *Jean Wien* Histoires, Disputes et Discours des illusions et impostures des diables. P. — 1885.2 v. *Nicolai Remigii*. Daemonolatrei ai libri tres. Colonial Agrippinae. 1596. *I. Bodin Angevin*. La Detnonotnanie des sorciers. Rouen. 1604. *Cougenot des Mousseaux*. Moeurs et pratiques des demons. P. 1854. *Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. *Eliphas Levi*. La Clef des Grands Mysteres. Записки Бенвенуто Челлини. И мн. др.

После напечатания романа «Жар-Цвет» в «Севере» я несколько раз возвращался к разным частям его, перерабатывая их, многое уничтожил, кое-какие легенды вставил и диалоги прибавил. Поэтому в настоящем издании романа читатель встретит в составе «Жар-Цвета»: 1) основной роман 1895 года; 2) этюды и легенды к нему, печатавшиеся между 1887 и 1901 годами под заглавиями: «Враг», «Киммерийская болезнь», «Золотая планета», «Дубовичи», «Польская легенда о Христе в Браилове», «Он», «Белый охотник», «Сон в Крещенскую ночь», «История одного сумасшествия», «Воздухоплаватель», «Статуя сна» и т. д. Из легенд некоторые входили в сборник мой «Красивые сказки», издание которого разошлось и повторено не будет. Так как сборник «Красивые сказки» был мною посвящен дорогому старому и вечно юному другу и товарищу моему, Василию Ивановичу Немировичу-Данченко, то позволяю себе перенести это искреннее посвящение талантливому писателю и прекраснейшему человеку на «Жар-Цвет».

Александр Амфитеатров

1910.V. 31

Cavi di Lavogna

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КИММЕРИЙСКАЯ БОЛЕЗНЬ

I

Несмотря на жаркое утро, на эспланаде островного города Корфу былолюдно: с почтовыми пароходами пришли новые газеты с обоих берегов — из Италии и из Греции, и корфиоты поспешили в кафе: узнавать на полударовщинку, что случилось за прошедшие три дня по ту сторону лазурного моря, отрезавшего от остального мира их красивый островок.

В Café d'Esplanade под портиками, затененными парусиновым навесом, сидели за разными столиками, но оба с газетами в руках и оба пили пресловутую местную «зензи-бирру» (имбирное пиво), два господина, не знакомые между собою. Оба были иностранцы. Обоих проходящие корфиоты осматривали с немалым любопытством. В особенности привлекал внимание младший из двух — огромный, широкоплечий блондин, с пышными волнами волос, зачесанных назад, без пробора, над красивым открытым лицом, с которого несколько застенчиво смотрели добрые, иссера-голубые глаза. Несмотря на длинную золотистую бороду английской стрижки, молодца этого даже по первому взгляду нельзя было принять ни за англичанина, ни за немца; сразу бросался в глаза мягкий и расплывчатый славянский тип. И действительно, гигант был русский, из Москвы, по имени, отчеству и фамилии — Алексей Леонидович Дебрянский. Другой иностранец, темно-русый, почти брюнет,

в одних усах, без бороды, был пониже ростом и жиже сложением, зато брал верх смелою свободою и изяществом осанки, чего москвичу не доставало. Загорелое, значительно помятое жизнью и уже не очень молодое лицо — скорее эффектное, чем красивое — оживлялось быстрыми карими глазами, умными и проницательными на редкость; видно было, что обладатель их — тертый калач, бывалый и на возу, и под возом, и мало чем на белом свете можно его смутить и удивить, а испугать — лучше и не берись.

Дебрянский вычитывал «Figaro». Другой иностранец, изредка вскидывая на него глазами, пробежал «Le Temps»...

— Простите... кажется, мы соотечественники? — обратился он к Дебрянскому по-русски, когда тот оставил газету, и сам тоже отложил в сторону свой журнал.

— А, я русский... — сказал Алексей Леонидович, застигнутый врасплох русскою речью, которой он не слышал уже около месяца. — Но почему же вы догадались?

— А вы с таким вниманием вчитывались в корреспонденцию из России...

Дебрянский прикинул на глазомер расстояние до незнакомца:

— Однако у вас замечательное зрение.

— Да, недурное... А потом, вы сняли шляпу, чего европеец в кафе не сделает. А в шляпе я прочел: «Лемерсье» — следовательно, вы из Москвы. Да и во всей вашей фигуре есть что-то московское, и путешествуете вы, надо полагать, недавно... Вероятно, вы здесь в научной командировке?

Дебрянский засмеялся:

— Вы очень наблюдательны, однако ошиблись: я не ученый...

— Гм, кто же вы в таком случае? На газетного корреспондента не похожи, да и зачем русскому корреспонденту сидеть в Корфу... по крайней мере уже недели две, судя по фамильярности, с которой здесь, в кафе, вам служат? Больным вы не смотрите. В легких у вас, надо полагать, все благополучно: быка сломаете; следовательно, климатическая станция Корфу вам не нужна. Если вы коммивояжер, зачем же вы не носите зеленого галстука, красно-желтых перчаток, булавки с брильянтом в ноготь величиною и трости с набалдашником из слоновой кости, выточенной в Амура и Психею, Венеру и Марса или просто в голую женщину? Остается предположить, что вы — так себе — скитающийся богатый форестьер, *principe russo*¹, как говорят в Неаполе... Но таким и место в Неаполе, в Риме, в Венеции, на Ривьере: эта публика путешествует по Бедекеру. А на Корфу... что тут делать *principe russo*? Ни достопримечательностей, ни гидов, ни нищих... одна природа...

— Зато она-то уж как хороша! — заметил Дебрянский; небрежная и веселая речь незнакомца начинала его интересовать.

— Хороша-с... Но вы ведь не художник?

— Нет.

— Я и не сомневался: у художников взгляд иной... вы не умеете сразу осмотреть человека... Это только трем профессиям дано: художникам, портным и гробовщикам... пожалуй, прибавлю сюда еще английских спортсменов-боксеров, гребцов... впрочем, я их тоже включаю в разряд художников. А из художников... знаете ли: о нас, русских, пущена по свету молва, будто мы как-то особенно любим и необыкновенно тонко пони-

¹ Русский князь (*ит.*).

маем природу, — только это неправда. Я никогда не видал, чтобы русский турист самостоятельно искал природу: он довольствуется тою, которою, по казенному расписанию, угощают его путеводители. А кто не ищет, тот и не любит. Помилуйте! хороша наша любовь к природе, когда у нас никак не могут привиться общества путешественников, альпинистов, парусного, гребного, лыжного спорта... Только картами и живут. Нет карт — и клуб умирает. И описывают у нас природу скверно... вычурно, облизанно... сразу видно, что дорожат не тем, что описывают, а сами собою в природе: вот, мол, какой я наблюдательный, как глубоко и тонко я проникаю и какой у меня блестящий слог... И врут много: у Алексея Толстого зелень рощ сквозила, а труба пастушья поутру еще не пела, трава едва всходила, а папоротник уже в завитках... Выдуманные, кабинетные описания... Купер когда-то природу хорошо описывал, ну и у нас с тех пор народились и не переводятся Куперы... Русская природа оригинальна, но когда и кто ее оригинально выразил? Остатки сантиментализма, обломки от Руссо. Подражатели все... Пушкин умел — так это когда было! Да и короток он, скуп словами был, Пушкин. Я из русских описателей природы одного Сергея Аксакова люблю. Так ведь опять-таки — дьявольски давняя штука его природа. Теперь уже лет пятьдесят нет такой и в помине. А после — все больше хороший слог. Я и Тургенева не исключаю. Вы вот изволили сделать протестующий жест — ведь вы про Тургенева хотели мне напомнить, не правда ли?

— Да.

— Человек никогда не любит и не изображает хорошо того, чего у него много. Самый русский писатель, Достоевский, мимо русской природы будто мимо пусто-

го места прошел. Природой мы сыты по горло — ergo¹, до нее не жадны.

А насчет культуры у нас слабо — мы к ней и присасываемся за границей. Париж, Лондон, Вена — это так, там русские муравейником кишат. Но встретить русского в горах, на пустынном берегу, в трущобе — чудо. Англичанин сперва излазит собственными ногами всю Швейцарию, все Апеннины, а потом уже попадет в Монте-Карло. А россиянин чуть перевалил за рубеж — у него уже и застучало в виски: Монте-Карло, Монте-Карло, Монте-Карло...

— Ну какая же культура в Монте-Карло?

— Да та самая, единственно к которой россиянин питает доверие и благоговение: квинтэссенция буржуазной религии — золото, кровь, девки... Читали, может быть, был такой старинный роман Арсена Гуссе? «Полны руки золота, роз и крови»... Вот вам Монте-Карло. Пускай — земной рай, да ангелы там с рожками и хвостиками... Одни англичане умеют там хоть сколько-нибудь прилично себя держать и характер сохранять, не слишком легко рядятся в дураки. На остальных жаль смотреть.

— Вы, кажется, очень любите англичан?

— Люблю: солидная нация, единственная разумная: есть умнее, но разумнее — ни одной; англичанин — настоящий homo sapiens², понявший свое зоологическое значение на земле... Однако — кстати об англичанах: мы с вами ведем себя как настоящие русские. И о природе поговорили, и Тургенева успели обругать, и некоторые избранные черты национального характера в два слова обсудили, а — кто мы такие, оба друг про друга

¹ Следовательно (*лат.*).

² Человек разумный (*лат.*).